

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский

Корейские сказки

ДИНАСТИЯ ЛИ

Пятьсот лет тому назад на корейский престол вступила и ныне царствует династия Ли. Вот как это случилось.

В провинции Ханюн, в округе Коигн жило два рода: Ли и Пак. Ли в деревне Сорбои, Пак – в деревне Намбои.

И Пак и Ли были богатыри.

Богатырем называется человек, рожденный от женщины и священной горы: Мен-сан-сорги.

Луч (сорги) священной горы проникает в женщину, и через двенадцать месяцев рождается богатырь, который немедленно после рождения улетает, потому что он рождается с крыльями. Следов этого рождения не остается никаких. Родители богатыря должны в строгой тайне сохранять рождение богатыря, иначе он не явится к ним со священной горы, где живет и упражняется в искусстве битвы, в минуту опасности или во время войны.

Маленький богатырь прилетает невидимкой и кормится грудью матери. Но мать не знает, когда именно он выпивает ее молоко.

Одна глупая мать из города Тан-чен, когда у нее родился богатырь, прежде чем улетел он, обрезала ему крылья. Сын вырос, из него вышел невиданный силач, он подымал вола с его ношей, но он был и глуп, как его вол, тогда как небо приготавлило ему славную судьбу богатыря.

Таковыми богатырями были Ли и Пак, когда народ выбирал себе новую династию.

Тогда к богатырю Ли явился во сне покойный его отец и сказал:

– В третью ночь, при луне, на озере Цок-чи-нуп будут драться два дракона, синий и желтый. Ты выпусти стрелу в синего, потому что он отец Пака, а желтый – я.

Так и сделал Ли. Тогда раненый синий дракон бросился в Туманган, а желтый устремился рекой, которая с тех пор и протекает из озера Цок-чи-нуп в Туманган и называется Цок-чи.

Таким образом богатырь Ли одолел Пака и был первым императором из династии Ли.

В деревнях Сорбои и Намбои до сих пор сохраняются памятники двух богатырей. Они стоят под китайскими черепичными павильонами, а в этих павильонах мраморные мавзолеи, на которых рукой самих богатырей написаны, не высекая мрамора, а прямо пальцами, их славные дела.

ВТОРАЯ ЛЕГЕНДА О ЦАРСТВУЮЩЕЙ В КОРЕЕ ДИНАСТИИ

Жили на свете когда-то два знаменитые искателя счастливых могил: Ни-хассими и Тен-гами.

Однажды они отправились вместе разыскивать для самих себя счастливую гору.

Они пришли в провинцию Хамгиендо и там, близ Тумана, разыскали счастливейшую гору в Корее.

Но они еще точно не определили счастливейшее место на горе для могил и, ничего не решив, легли спать.

Проснувшись на другое утро, они увидели недалеко от себя маленькую водяную птичку, которая выкрикивала: "Симгедон".

Сварив чумизы, они поели и встали, и, как только они встали, вспорхнула и птичка и, крича: "Симгедон, симгедон", полетела впереди.

Так звала она их, пока не пришли они к одному месту горы, где сидели две совершенно

одинаковые старушки и ткали холст.

Как только путники подошли, старушки сейчас же скрылись.

– Это, конечно, и есть счастливейшие места, – сказали искатели.

Оставалось только решить, кому где похоронить своего предка.

Ночью они оба увидели своих предков, которые им сказали:

– Тот, кто похоронит своего предка между местами, где сидели старухи, – род того будет царствовать первый, и династия того продержится на престоле четыреста четыре года. А кто зароет пониже своего предка, тот сменит эту династию. Бросьте между собой жребий.

Так и сделали искатели, и первое место досталось Ни-хассими.

Однако в роду Ни-хассими первые четыре поколения после того рождались все уроды: хромые, горбатые, слепые, идиоты, и только в пятом колене родился умный и сильный, от которого родился знаменитый Ни-шонги, основатель и теперь царствующей династии Хон-дзонг-та-уан-ни-си.

Вот при каких обстоятельствах родился он.

Отец его, заподозренный царствовавшим тогда императором, суровым и жестоким, в мятеже, чуть не был казнен и только тем, что укрылся в провинции Хамгиендо, в город Ион-хын, спасся от смерти.

Но и там, не чувствуя себя в безопасности, удалился в ближайшие горы и там жил во владениях некоего Хан-цямбоа.

В одну ночь приснилось Хан-цямбою, что прилетел синий дракон и поцеловал его дочь.

Утром Хан-цямбой отправился осматривать свои владения и наткнулся на спящего человека.

Помня сон и увидя, что человек этот не женат, Хан-цямбой отдал за него свою дочь, и через двенадцать месяцев она родила богатыря Ни-шонги.

Как богатырь, Ни-шонги родился бесследно и до двадцати восьми лет рос на святых горах, обучаясь военному ремеслу вместе с двумя названными братьями Пак-хачун и Тун-дуран.

Пак был старший, Ни – второй, а Тун – младший по годам из них.

Когда Ни кончилось двадцать восемь лет, к нему во сне явился дед его и сказал (то, что уже сказано в легенде о Ли и Паке).

После этого все три богатыря отправились в Сеул.

Царствовавший тогда император дошел до предела своей жестокости.

Когда приближенные к нему люди предупреждали его о накопившемся раздражении в народе, он отвечал, что скорее родится лошадь с рогами и у сороки вырастет белый гребешок на голове, чем раздражится корейский народ.

Но через несколько дней прилетела к его дворцу сорока с белым гребешком, а немного погодя у лучшей его лошади родился рогатый жеребенок.

Но император ответил:

– Прежде лопнет этот чугунный столб, чем лопнет терпение моего народа.

Но ночью был небывалый мороз, и наутро лопнувший чугунный столб валялся на земле.

В это же утро подошли три богатыря к столице с войсками, и императорское войско, бросив императора, от которого отвернулось небо, вышло из городских ворот навстречу богатырям.

Оставленный всеми император бежал в горы, где и погиб.

Три же богатыря вошли в столицу, и народ предложил им, по соглашению между собой, занять вакантный трон.

Тогда, как старший, хотел сесть Пак. Но два дракона, образующие сиденье трона, приблизились друг к другу, и Пак не мог сесть.

Так продолжалось до трех раз, и народ предложил сесть Ни.

Ни сел, и драконы не двинулись.

Ни сделался императором, а Пак ушел в провинцию Хамгиендо и скрылся там в

монастырь.

Ни, боясь Пака, послал стражу в этот монастырь и приказал:

– Если Пак действительно поступил в монастырь и остригся, то оставьте его, иначе убейте.

Стража пришла в монастырь и нашла Пака остриженным.

Император Ни, пока Пак жил, посылал в этот монастырь каждый год триста дан (в каждой дане пятнадцать мер рису, что составляет около полутора тысяч наших пудов).

После смерти Пака его изображение сделалось священным и до сих пор сохраняется в монастыре Шоханса.

Второй привилегией монастыря было бить розгами всякого корейца, который провинится против монахов этого монастыря.

Монахи этого монастыря и до наших дней пользуются славой самых грубых и дерзких людей.

ЛЕГЕНДА О БОБРЕ

Происхождение ныне царствующих маньчжурской и корейской династий

В провинции Хон-чион, в округе Хориен, в деревне О-це-ами, жил Цой (предводитель дворянства), и у него была молодая дочь Цой-си (дочь Цоя).

Однажды, проснувшись, она ощупала возле себя какого-то мохнатого зверя, который сейчас же уполз.

Она зажгла лучину, но в комнате никого не оказалось.

Она рассказала об этом родителям, и, после долгого совещания, было принято следующее решение. Если еще раз зверь придет, то она, притворившись спящей, привяжет к его ноге конец клубка длинной шелковой нитки.

Так Цой-си и поступила.

Когда настал день, то ниточка привела отца Цой-си к озеру, которое называется Хан-тон-дзе-дути.

Нитка уходила под воду, и когда отец потянул за нитку, на поверхности всплыл бобер, опять нырнул и больше не появлялся, а нитка оторвалась.

Через десять месяцев Ной-си родила мальчика, цветом кожи до того желтого, что его называли Норачи (рыжий).

Он вырос, был нелюдим и кончил тем, что, женившись, поселился на озере своего отца, потому что бобер и был его отец. Он любил воду и плавал, как и отец его, бобер.

Однажды родоначальник рода Ни-чай (родоначальник теперешней маньчжурской династии), из Когнского округа, деревни Сорбой, увидел во сне, что из озера, где жил бобер, вылетел в небо дракон, а явившийся в это время белый старик сказал ему:

– Это умер бобер. Кто опустится на дно озера, где стоит дворец бобра, и положит кости отца своего в правой комнате от входа, тот будет китайским императором, а чьи кости будут лежать в левой комнате, тот будет корейским.

Проснувшись, Ни-чай вырыл кости своего отца и с Тонгамой (зарыватель костей) и с костями отца отправился к озеру Хан-тон-дзе-дути.

Но так как Ни-чай не умел плавать, то он и просил Норачи положить кости его отца во дворце бобра. При этом Ни-чай обманул Норачи.

– Я открою тебе все, – сказал Ни-чай, – там две комнаты: правая и левая. Чьи кости будут лежать в правой, тот будет корейским императором, а чьи в левой – китайским. Положи кости отца своего в левой, а с меня довольно будет и корейской короны.

Так Ни-чай хотел обмануть Норачи.

Но Норачи поступил как раз наоборот, а на вопрос Ни-чай, зачем он так сделал, сказал:

– Для твоего же рода лучше так, а мне просто больше понравилась правая комната.

Ни-чай должен был помириться с своей долей и просил Норачи о вечной дружбе между их родами. Норачи согласился.

Прошло еще время, и у Норачи родились один за другим три сына.

Третий, Хан, имел страшное, волосами обросшее лицо, а взгляд такой, что на кого он смотрел, тот падал мертвым.

Поэтому он никогда не выходил из комнаты и всегда сидел с закрытыми глазами.

Ни-чай умер, а сыну его приснился сон, что в колодце, близ озера Хан-тон-дзе-дути, лежит китайская императорская сабля. И опять белый старик сказал ему:

– Владелец этой сабли – китайский император.

Поэтому, проснувшись, сын Ни-чая отправился к озеру, нашел там колодезь, а в нем саблю.

Так как все уже называли Хана будущим повелителем Китая, то сын Ни-чая задумал убить его этой саблей.

Пользуясь дружбой отцов, он пришел к Норачи и стал просить его показать ему Хана.

Напрасно Норачи отговаривал его, представляя опасность. Сын Ни-чая настаивал, и в силу дружбы Норачи не мог ему отказать.

Но, когда сын Ни-чая вошел в комнату Хана и тот открыл глаза, хотя и не смотрел ими на гостя, сын Ни-чая так испугался, что положил саблю к ногам Хана и сказал:

– Ты император, тебе и принадлежит эта сабля.

Хан, ничего не ответив, закрыл глаза, а Норачи поспешил вывести своего гостя из комнаты сына.

– Я знаю своего сына, – сказал Норачи, – спасайся скорее. Я дам тебе его лошадь, которая вышла к нему из озера и которая бежит тысячу ли[*] в час.

[* Ли – приблизительно треть версты. (Примеч. Н. Г. Гарина-Михайловского.)]

Сын Ни-чая вскочил на эту лошадь и скрылся, когда с саблей в руках вышел из своей комнаты Хан.

– Где тот, кто принес эту саблю? – спросил он отца.

– Он уехал.

– Надо догнать его и убить, чтобы преждевременным оглашением не испортил он дело.

Хан хотел сесть на свою лошадь, но оказалось, что на ней-то и исчез гость.

– Тогда нельзя медлить ни минуты!

И, собрав своих маньчжур, Хан двинулся на Пекин.

Он и был первым императором из маньчжуров.

Он настроил множество крепостей, и камни для них из моря подавал Натхо, тот самый Натхо, который выбросил камни для знаменитой Китайской стены. А когда спросили, кто из моря подает камни, Натхо только на мгновение высунул свою страшную голову из воды.

Художник, бывший здесь, успел все-таки срисовать его, и с тех пор голова Натхо, вместе со священной птицей Хаги (аист), служит украшением входов в храм.

С КАКИХ ПОР ЖЕНЩИНЫ КОРЕИ СТАЛИ ВЕСТИ ЗАМКНУТУЮ ЖИЗНЬ

Вот с каких пор корейские женщины стали вести замкнутую жизнь.

Тысяча пятьсот лет назад царствовал в Корее знаменитый император О-шан-пу-он-кун.

Когда ему было шестнадцать лет, он ходил в школу и от товарищей слышал, что все женщины Сеула распутны. Он пожелал поэтому испытать свою жену и мать.

Однажды, когда жена его гуляла в саду, он, переодетый, выскочил из-за кустов, поцеловал ее и убежал.

Вечером жена его ничего не рассказала, но была задумчива.

Прошло еще два дня. Она перестала принимать пищу.

– Отчего ты ничего не ешь? – спросил ее король.

Тогда она заплакала и рассказала ему все.

– Я теперь обесчещена, и мне остается одно – умереть, потому я и не принимаю пищу.

Тогда король обнял ее и рассказал все, как было.

Относительно того, как испытать мать, король долго думал и решил прибегнуть к следующей хитрости. Он и два его товарища должны были, переодетые в Будду и двух его ангелов, появиться в буддийском монастыре, который тогда существовал в Сеуле, в то время, когда по случаю Нового года все женщины города будут в храме с обычными чашками риса. О замысле короля знал только монах, и от остальных все сохранялось в строжайшей тайне.

Поэтому, когда вдруг, во время службы, в храм вошел Будда с двумя ангелами, так, как их изображают на изваяниях, то монахи упали на землю, крича: "Сам великий Будда сошел на землю", а все бывшие в храме женщины потеряли голову от страха.

Мнимый же Будда, не теряя подходящего мгновения, сказал:

– Я пришел на землю, чтобы снять с вас ваши грехи, идите с вашими чашками риса ко мне и несите их столько, сколько у каждой любовников. Если которая хоть одного утаит, то тут же в храме будет мной казнена.

Тогда открылись удивительные вещи. Хотя и запасли монахи много рисовых чашек, но их не хватило, и они много раз бегали за ними на базар. Хорошие дела они сделали в тот день, да и король узнал, что из всех его подданных женщин только и были невинны две: его жена и мать. У остальных же было по два, по три и до десяти мужей. Его ангелы записывали женщин и их мужей, а на другой день король написал и расклеил везде объявления, в которых сообщил, сколько у каждого из его министров жен и сколько у каждой из них возлюбленных.

А чтобы впредь ничего подобного не могло быть, король и издал им правила, по которым и до сих пор живут женщины Кореи.

ЗАКОННЫЕ И НЕЗАКОННЫЕ ДЕТИ

Прежде и в Корее были законные и незаконные дети, но вот с каких пор все дети стали законными.

У одного министра не было законного сына, и, согласно обычаю, он должен был усыновить кого-нибудь из своего законного рода, чтобы передать ему свои права и имущество.

Выбор его пал на племянника.

В назначенный день, когда собрались для этой церемонии в доме министра все знаменитые люди и прибыл сам император, вышел к гостям незаконный десятилетний сын хозяина, держа в руках много заостренных палочек.

Каждому из гостей он дал по такой палочке и сказал:

– Выколите мне глаза, если я не сын моего отца.

– Ты сын.

– Тогда выколите мне глаза, если мой двоюродный брат сын моего отца.

– Но он не сын.

– Тогда за что же вы лишаете меня, сына моего отца, моих прав?

– Таков закон, – ответили ему, – и по закону ты незаконный.

– А может быть, не я, а закон незаконный?

– А все может быть.

– Кто пишет законы? – спросил мальчик.

– Люди, – ответили ему.

– Вы люди? – спросил мальчик.

– Мы? – Гости посоветовались между собой и ответили: – Люди.

– От вас, значит, – сказал мальчик, – зависит переменить неправильный закон.

Тогда император сказал:

– А ведь мальчик не так глуп, как кажется, и почему бы действительно нам и не переменить несправедливый закон?

И закон переменили, и с тех пор в Корее нет больше незаконных детей.

КАК ПОЯВИЛИСЬ МЫШИ И С КАКИХ ПОР ПЕРЕСТАЛИ УБИВАТЬ СТАРИКОВ

Прежде стариков, когда они достигали шестидесяти лет, убивали.

Один сын очень любил своего отца и, когда ему минуло шестьдесят лет, спрятал его в подземелье, куда и носил ему пищу.

Однажды на дворец богдыхана напали какие-то страшные звери, величиною с корову, серые, с узкими, длинными мордами, с длинными тонкими хвостами. Все потеряли голову и не знали, что делать.

Тогда старик отец сказал:

– Надо найти восьмифунтовую кошку.

Нашли кошку в семь с половиной фунтов.

– Кормите ее, – сказал старик, – пока она не вытянет восемь фунтов ровно.

Когда кошка вытянула восемь фунтов, ее выпустили на зверей.

И вот что случилось.

Увидев ее, звери стали уменьшаться, пока не превратились в обыкновенных мышей, которых и ловят с тех пор обыкновенные кошки.

Когда император узнал, кто выручил всех из беды, то разрешил с тех пор старикам жить столько, сколько они хотят.

Так появились мыши на свете, виновники того, что стариков не убивают больше.

С КАКИХ ПОР В КОРЕЕ ПОЯВИЛОСЬ ТОНКОЕ ПОЛОТНО

Была одна очень странная и сильная девушка. Она жила в Тангани.

Когда пришло время выдавать ее замуж, ее выдали за одного бедного человека.

На свадьбе молодые называются королем и королевой. Они могут требовать все.

– Я хочу бычачьего мяса, – сказала она.

И нечего делать, пришлось для этого зарезать последнего быка.

Наевшись, она сказала:

– Я хочу курить.

И хотя в Корее курят только старые уже женщины, но ввиду свадьбы ей подали табак и трубку.

Затем, по обычаю, молодые три дня ничего не делали.

Но она и на четвертый день ничего не хотела делать, а спросила:

– Много ли у вас чумизы?

– У нас чумизы три меры.

– Дайте мне ее.

Она сварила из нее себе кашу и всю ее съела, оставив остальных голодными.

Все молчали, так как не принято бранить молодую. Поев, она спросила:

– А что, есть у вас волокно?

Ей дали столько, что из этого количества можно бы было приготовить сто кусков полотна.

Но она сделала из всего один только кусок. Но это было такое тонкое полотно, какого еще не видали в Корее.

За него дали столько денег, что семья сразу разбогатела.

С тех пор и узнали в Корее о тонком полотне.

С КАКИХ ПОР В КОРЕЕ НОСЯТ ШИРОКОПОЛЫЕ ШЛЯПЫ

Издавна носят корейцы широкополые шляпы, уж очень они неудобные. И откуда только взялись?

Рассказывают, будто в прежние времена корейцы часто против короля заговоры

устраивали. Долго думал король, как ему быть, и наконец придумал. Указ издал, согласно которому все жители должны были носить шляпы, мало того что из глины, так еще с огромными полями. В такой шляпе близко друг к другу не подойдешь – поля мешают; не пошепчешься – ничего не слышно, а громко говорить – страшно, соглядатаи могут подслушать, королю донести. К тому же в глиняной шляпе не подерешься, шляпу сломаешь. А за это большой штраф полагается или же, что того хуже – суровое наказание.

Ропщут люди, что им не шляпы – горшки глиняные на голове носить приходится. Неизвестно, перестали ли корейцы драться и бунтовать, но закон обходить научились и тяжелые глиняные шляпы заменили легкими волосяными и соломенными. Только поля как были, так и остались огромными...

ЖЕНСКОЕ ЛЮБОПЫТСТВО

Там, где Амнок с китайского берега сжали скалы Чайфуна и отвесными стенами спустились в нее с высоты, Амнок, обходя эти горы, делает десять ли вместо одной ли прямой дороги. И вот почему.

Одна женщина подсмотрела, как дракон хвостом прорубал эти скалы, чтобы пропустить Амнок прямой дорогой, и крикнула:

– Смотрите, смотрите, что там делает дракон!

Но при ее крике дракон улетел в Небо, а Амнок теперь заставляет пловцов кружиться там, где они могли бы ехать прямо, если бы не праздное любопытство женщины, помешавшей дракону сделать задуманное им доброе дело.

КОШКИ

Это было очень давно, когда кошки еще не существовали на земле.

Жил тогда один стрелок из лука. Он спал и видел, как попасть ему в Сеул на праздник стрелков и получить от самого императора похвальный лист и звание дишандари. Хотя он стрелял и очень хорошо, но приходил всегда в такое волнение, что делал непростительные промахи. Тогда умные люди посоветовали ему пойти к предсказателю, прежде чем отправиться в Сеул.

Стрелок так и сделал. Предсказатель, получив с него тысячу лан, сказал ему:

– Пусть не переходит тебе дорогу женщина. Если же перейдет, поцелуй ее.

Хотел еще спросить у него охотник, но на другой вопрос у него не хватило денег, и он, ограничившись одним ответом, пошел в Сеул.

Не доходя девять ли (три версты) до Сеула, встретила ему женщина поразительной и оригинальной красоты. Она была сильна, стройна, имела зеленые глаза, взгляда которых охотник не мог выдержать.

Она перешла ему дорогу, и, согласно приказанию предсказателя, охотник пошел за ней, чтобы поцеловать ее.

Казалось, она шла так же тихо, как и он, однако до самого вечера он не мог догнать ее, пока она не вошла в маленькую избушку.

Тогда и охотник вошел за ней.

Там, в избушке, сидели отец и мать девушки.

Стрелок поздоровался с ними и объяснил, зачем он пришел сюда.

– Если предсказатель сказал, то так должно быть.

Тогда вошла девушка, и стрелок поцеловал ее.

– Сегодня поздно уже, и мы предлагаем тебе ночлег, – сказал старик.

– Я не прочь бы и на всю жизнь здесь остаться, так как полюбил вашу дочь и хочу на ней жениться.

– Пожалуй, женись, – сказал старик.

Пришла ночь, и все легли спать.

Проснулся стрелок и видит, что рядом с ним спит молодая тигрица, а подальше два старых, больших тигра.

Охотник от страха закрыл глаза, а когда снова открыл их, то с ним рядом опять спала его жена, а подальше отец и мать ее. Стрелок подумал, что ему показалось все, и заснул опять.

Утром, когда стрелок пошел в Сеул стрелять в цель, жена сказала ему:

– Сегодня тебя, мой муж, ждет большое отличие. Ты попадешь во все цели, но этого мало, и сегодня ты прославишься из рода в род, пока живы люди. Помни: когда ты попадешь в последнюю цель, на дороге на трех мулах покажутся трое: двое на белых мулах, в белом и с белыми опахалами, а третий на пестром, с зеленым опахалом. Как увидишь, немедленно стреляй в них.

– Как? В людей?

Жена покачала головой:

– Это не люди, это дикие звери: если ты не убьешь их, они съедят всех. Когда убьешь их, разрежь грудь того, который ехал на пестром муле. В груди ты найдешь двух зверьков: никогда с ними не разлучайся, – пусть они будут тебе как дети.

– Если мне, то и тебе.

– Да, конечно, прощай, мой муж возлюбленный.

– Но зачем же ты так печально прощаешься со мной, – я скоро вернусь.

– Я печальна потому, что одна минута разлуки с тобой все равно что вечность.

Как говорила жена, так все и вышло.

Стрелок попадал во все цели, а когда спустил стрелу в последнюю, на дороге показались трое на мулах. Двое на белых, третий на пестром. Стрелок натянул свой лук трижды и трижды выпустил стрелу. Каждая попала в сердце каждого из путников.

– Что он делает? Он стреляет в людей?

– Идите и посмотрите, что это за люди, – сказал стрелок и пошел со всеми туда, где упали путники.

Но велик был ужас всех, когда вместо путников увидели трех тигров: двух старых громадных – самку и самца – и одну молодую тигрицу.

– Какое счастье, что он убил их, иначе бы всем нам грозила смерть.

Пока так говорили, стрелок быстро разрезал грудь молодой тигрицы и, вынув двух маленьких хорошеньких зверьков, спрятал их у себя на груди.

В тот день стрелок получил и "дишандари", и место губернатора.

Но напрасно он искал свою жену – он никогда не нашел ни ее, ни родителей ее, ни избушки, и даже того места, где стояла избушка.

Прошел год, зверьки подросли немного, когда случилась вдруг война, несчастная для Кореи.

Тогда император назначил стрелка-губернатора главнокомандующим.

– Но я ничего не знаю в военном деле.

– Но ты счастлив, – иди и победи, иначе голову долой.

– Не печалься, отец, – сказали зверьки, – ты победишь.

На Амноке, на двух берегах ее, сошлись войска – неприятельское и корейское.

В ночь перед сражением зверьки вышли в поля и леса и кликнули всех крыс и мышей:

– Идите на ту сторону в неприятельское войско, перегрызайте у них все тетивы и все луки, съешьте их провиант и обувь.

Но войско без оружия, провианта и обуви – не войско, а толпа нищих, и стрелок-губернатор всех их на другой день забрал в плен.

Тем и кончилась война. А губернатор сделался министром.

Что до зверьков, то от них пошло потомство. Теперь зверьков этих везде можно встретить, – их называют кошками.

Хотя теперешние кошки и не говорят, но, помня их происхождение, до сих пор считают

священными животными и в память их происхождения и спасения от врагов уважают и чтут их.

ОХОТНИКИ НА ТИГРОВ

В провинции Хан-зондо, в городе Кильчу, лет двадцать назад существовало общество охотников на тигров. Членами общества были все очень богатые люди. Один бедный молодой человек напрасно старался проникнуть в это общество и стать его членом.

– Куда ты лезешь? – сказал ему председатель. – Разве ты не знаешь, что бедный человек не человек: ступай прочь.

Но тем не менее этот молодой человек, отказывая себе во всем, изготовил себе такое же прекрасное стальное копьё, а может быть, и лучше, какое было у всех других охотников.

И когда они однажды отправились в горы на охоту за тиграми, пошел и он.

На привале у оврага он подошел к ним и еще раз попросил их принять его.

Но они весело проводили свое время, и им нечего было делать с бедным человеком; они опять, насмеявшись, прогнали его.

– Ну, тогда, – сказал молодой человек, – вы себе пейте здесь и веселитесь, а я один пойду.

– Иди, сумасшедший, – сказали ему, – если хочешь быть разорванным тиграми.

– Смерть от тигра лучше, чем обида от вас.

И он ушел в лес. Когда забрался в чащу, увидел громадного полосатого тигра. Тигр, как кошка, играл с ним: то прыгал ближе к нему, то отпрыгивал дальше, ложился и, смотря на него, весело качал из стороны в сторону своим громадным хвостом.

Все это продолжалось до тех пор, пока охотник, по обычаю, не крикнул презрительно тигру:

– Да цхан подара (принимай мое копьё)!

И в то же мгновение тигр бросился на охотника и, встретив копьё, зажал его в зубах. Но тут с нечеловеческой силой охотник просунул копьё ему в горло, и тигр упал мертвый на землю.

Это была тигрица, и тигр, ее муж, уже мчался на помощь к ней.

Ему не надо было уже кричать "принимай копьё", он сам страшным прыжком, лишь только увидел охотника, бросился на него.

Охотник и этому успел подставить свое копьё и в свою очередь всадил ему его в горло.

Двух мертвых тигров он стащил в кусты, а на дороге оставил их хвосты.

А затем возвратился к пировавшим охотникам.

– Ну, что? Много набил тигров?

– Я нашел двух, но не мог с ними справиться и пришел просить вашей помощи.

– Это другое дело: веди и показывай.

Они бросили пиршество и пошли за охотником. Дорогой они смеялись над ним:

– Что, не захотелось умирать, за нами пришел...

– Идите тише, – приказал бедный охотник, – тигры близко.

Они должны были замолчать. Теперь он уже был старший между ними.

– Вот тигры, – показал на хвосты тигров охотник.

Тогда все выстроились и крикнули: "Принимай мое копьё!"

Но мертвые тигры не двигались.

Тогда бедный охотник сказал:

– Они уже приняли одно копьё, и теперь их надо только дотащить до города: возьмите их себе и тащите.

ВОЛОВИЙ ТРУД

Жил-был на свете один писатель, Ким. У него было два сына: старший и младший.

В то время как младший знал уже очень много, старший, Ким-Хакки, которому уже было шестнадцать лет, не знал и первых двух знаков азбуки: ха-ныр, тен, таа, ди, что значит небо и земля. При этом "небо" по-корейски "ха-ныр", а по-китайски – "тен", "земля" по-корейски "таа", а по-китайски – "ди".

Отец поэтому постоянно бил его и говорил, что он лучше убьет его, чем потерпит позор, что сын писателя останется неграмотным.

– Но чем я виноват, – оправдывался старший сын, – я день и ночь сижу за азбукой – ничего не выходит, мой младший брат целые дни играет – а у него все идет хорошо: это от неба так дано.

– Не от неба, а от твоей глупости, – отвечал отец и сильно бил его.

Наконец однажды отец сказал ему:

– Устали мои руки бить тебя, да и не хватит палок, хотя бы я вырубил весь свой лес. Убить тебя тоже не могу. Но прогнать тебя с глаз моих могу и прогоняю. Иди куда хочешь. Научись грамоте – приму тебя, не научись – не приму.

– Позволь мне остаться у тебя работником, – я трудолюбив и могу работать.

– Не хочу.

– Куда же я пойду?

– Куда хочешь.

Насилу старший сын выпросил, чтоб хоть жену его оставил отец у себя, пока он будет пытаться счастья.

– Хорошо, – сказал отец, – пусть живет себе в задней комнате, но пусть тоже не показывается мне на глаза.

Жене же Ким-Хакки сказал:

– Жди меня десять лет. Если через десять лет я не приду, считай меня умершим.

Затем он зашел к своему другу и просил его, в случае если отец прогонит его жену, принять ее и кормить до его возвращения.

Друг обещал, и Ким-Хакки пошел куда глаза глядят.

Шел Хакки, шел и пришел в один город, где под одним окном услышал шум учившихся школьников.

Хакки зашел в школу и рассказал учителю все о себе.

– Очень жалко будет, если сын такого знаменитого писателя останется неграмотным, – сказал учитель. – Я согласен взять тебя на десять лет и сделать все, что могу. Но не будь в претензии, если я о твою спину изломаю не один сноп палок.

Хакки с радостью согласился, и учение началось.

Между тем жена Хакки жила у тестя в задней комнате, варила себе чумизу и дни и ночи молила небо помочь ее мужу.

Через десять лет без тринадцати дней явился к ней во сне белый старик и сказал:

– Просьба твоя услышана небом, за твое трудолюбие муж твой получит то, о чем просишь ты, добродетельная жена.

В ту же ночь вот что произошло с Хакки.

– Прошло девять лет одиннадцать месяцев и шестнадцать дней (в Корее лунный месяц двадцать девять дней), – говорил учитель Хакки, – а ты и до сих пор не выучил и первых двух слов. Вот теленок стоит рядом с тобой в стойле, – ему два года, но я уверен, что, слыша постоянно твое "ха-ныр, тен и таа, ди", и он запомнил эти слова.

И учитель, позвав теленка, крикнул ему:

– Ха-ныр, тен!

И вдруг теленок поднял голову к нему.

– Таа, ди!

И теленок опустил голову к земле.

– Видишь? Если теленок умнее тебя, то что я могу с тобой сделать?!

И, избив Хакки в последний раз, учитель приказал ему оставить наутро его дом. И в эту ночь учитель пошел спать к своей семье, в первый раз после десяти лет, так как все это время он спал со своим учеником, заставляя его и по ночам заниматься.

Избитый Хакки долго и горько плакал, пока не заснул.

Когда он заснул, явился к нему во сне белый старик и сказал:

– Ты Ким-Хакки?

– Я, – отвечал Хакки.

– Ты получишь то, чего ты так упорно добивался. Открой рот.

Хакки открыл рот, и старик бросил туда три шарика.

– Проглоти!

Хакки проглотил и проснулся.

По старой привычке он сейчас же схватился за книгу и – о, чудо! Он не только стал читать ее без запинки, но он знал все, что было в этой книге и во всех тех, которые находились в училище.

Он взял в руки кисть – и еще большее чудо. Он стал писать знаки, которых не мог бы написать никто другой в Корее. Он стал составлять фразы, и смысл их стал выходить такой глубокий, как океан, и остроумный, как блеск драгоценных камней.

Тогда закричал он:

– Шенсан-ним, шенсан-ним (учитель, учитель)! Когда прибежал учитель, счастливый Хакки сказал:

– Теперь экзаменуй меня.

Стал учитель экзаменовать, но Хакки знал много больше учителя.

Тогда учитель бросился на шею к ученику и поздравил его с таким успехом.

А скромный Хакки не скрыл и рассказал, откуда явилось к нему его знание.

После этого Хакки пошел домой и пришел ровно в тот день, когда кончилось десять лет с того времени, как ушел он из дому.

Прежде всего он пошел к жене и после радостной встречи спросил:

– Как обращался с тобой отец?

– Я только раз его видела, но он, увидев меня, закричал, чтобы я ушла с его глаз. Я ушла и больше не видела его.

– В таком случае я не пойду к нему.

– Нет, ты должен идти, потому что отец и мать заменяют нам небо на земле. И идет ли с неба дождь, снег, светит ли солнце, все должны мы принимать без ропота, под страхом вечной гибели. Поэтому иди и поклонись отцу.

Так и сделал Хакки, но отец закричал ему:

– Прежде поклона твоего, прежде, чем ты смел явиться передо мной, ты должен представить доказательство твоей учености.

Тогда Хакки пошел в комнату своей жены и попросил купить ему шелковой материи.

На этой материи он написал рукой дракона несколько прекрасных и глубоких изречений, которые одни обессмертили бы его отца, если бы он мог так писать.

Тогда только отец разрешил старшему сыну прийти и обнять его.

Но после этого Хакки с женою оставили дом отца.

– Отец любил не меня, – сказал он жене своей, – меня такого, какого создало небо, а мои знания. И если бы я не приобрел их чудом, я был бы навсегда чужой для него.

Хакки, выдержав экзамен в Сеуле, поступил на службу, и так как при дарованных ему небом способностях соединял большое трудолюбие и воловье терпение, то мог переносить все несправедливости капризного начальства и в конце концов дослужился до министра.

Тогда он дал хорошее место своему учителю, своему другу, но отцу никакого места не дал, хотя и был всегда почтителен с ним, как и подобает сыну.

Что до младшего брата, то так ничего из него и не вышло. Привыкнув легко, без труда получать все, он в жизни, где, кроме способностей, требуется воловий труд, ничего не успел.

ВОЛМАЙ

Во время царствования последнего из своей династии императора Косми-дзон-тван жила одна девушка, Волмай-си, дочь богатых родителей.

Она получила прекрасное образование и читала по-китайски так же, как ее знаменитый, всем народом почитаемый учитель Ору-шонсэн.

Когда ей минуло шестнадцать лет, Ору сказал ей:

– Теперь твое учение кончено. По уму и образованию ты заслуживаешь быть женой министра.

– В таком случае я и буду ею.

На этом основании она отказывала всем искавшим ее руки, и так как за ней еще были сестры, то, чтобы не мешать им делать супружескую карьеру, Волмай, с согласия родителей, получив на руки свою часть наследства, ушла из родительского дома и, построив гостиницу у большой дороги, так искусно повела свои дела, что ее гостиница была всегда полна народом, а молва о ней и похвалы разносились по всей стране.

Однажды один молодой угольщик нес мимо ее гостиницы уголь. Ей нужен был уголь, и она, позвав, спросила, что он желает за свой товар.

Угольщик посмотрел на нее и сказал:

– Ничего больше, как раз поцеловать тебя.

– Не слишком ли высокую плату ты просишь? – спросила оскорбленная девушка.

– Таково уже мое правило, – отвечал молодой угольщик, – что я хочу или все, или ничего. И если ты находишь мою плату высокой, бери без всякой платы.

И, сказав, угольщик бросил с плеч к ее ногам уголь и ушел, прежде чем девушка успела что-нибудь ответить.

Прошло несколько дней, и опять мимо ее гостиницы проходил красавец угольщик. Но он даже не посмотрел на нее и прошел мимо. Но девушке опять был нужен уголь, и она вынуждена была позвать его.

– А-а, – сказал угольщик, – знакомая покупательница.

И, подойдя к ней, бросил к ее ногам уголь и ушел.

Напрасно она звала его получить плату за уголь.

– Я знаю твою плату, – ответил ей. не поворачиваясь, угольщик.

А на другой день, когда девушка проснулась, на ее дворе лежала громадная куча угля, которую она не могла израсходовать и в год.

Волмай была очень смущена этим и все дни проводила у дверей, поглядывая в ту сторону, откуда обыкновенно приходил угольщик.

Когда однажды она наконец увидела его, то пошла к нему навстречу и сказала:

– Я знаю, что этот уголь, который сложен у меня во дворе, от тебя.

– Да, это принесли мои товарищи.

– Ты разве имеешь такую власть, что приказываешь?

– Есть больше, чем власть, – я пользуюсь любовью моих товарищей.

Девушка помолчала и сказала:

– Я хотела бы с тобой рассчитаться.

– С большим удовольствием, – сказал молодой угольщик и, сбросив уголь с своих плеч, так быстро поцеловал ее, что она не успела даже ничего подумать.

– Я никогда еще ни с кем не целовалась, и теперь волей-неволей ты должен стать моим мужем.

Угольщик весело рассмеялся и сказал:

– Что до меня, то я согласен.

– Вот так вышла замуж за министра, – смеялись все ее родные, поклонники и знакомые.

Между тем молодые хорошо зажили.

– Ты умеешь читать? – спросила молодая жена своего мужа.

– Ни "мама", ни "папа", – ответил ей весело муж.

– Хочешь, я выучу тебя?

– Что ж? В свободное от хозяйства время отчего не поучиться.

Прошло пять лет, и муж ее знал все, что знала она.

– Теперь иди к моему учителю Ору-шонсэну, и пусть он проэкзаменует тебя. Кстати, принеси мне ответ на следующий вопрос: "Если король глуп, а сын его идиот, то не пора ли вступить на престол новому?"

Через несколько дней муж возвратился и принес жене ответ: "Да, пора!"

Скоро после этого жена сказала мужу:

– Пригласи к себе трех самых умных и влиятельных из своих товарищей.

Когда муж пригласил их, жена приготовила им богатое угощение и вечером сказала им:

– Будьте добры, поднимитесь завтра на заре во г на эту гору и что увидите там, расскажите мужу и мне.

Утром, когда три угольщика поднялись на гору, они увидели там трех мальчиков.

Один сказал:

– Здравствуйте.

Другой сказал:

– Завтра, однако, старого короля вон выгонят.

Третий сказал:

– Вам трем дадут хорошие должности.

Затем три мальчика исчезли, а удивленные угольщики пришли и рассказали, что видели.

– Я все это знала, – сказала хозяйка гостиницы, – потому что я предсказательница. Я скажу и дальше, как вам получить хорошие должности и прогнать человека, который всех губит. Соберите сегодня к вечеру всех своих товарищей и приходите сюда.

Когда все угольщики собрались в назначенный час, она позвала мужа в свою спальню и сказала:

– Десять лет тому назад я решила выйти замуж за министра. Я вышла за тебя замуж, потому что, как предсказательница, угадала, что ты будешь министром. Теперь я тебе скажу, что твое время пришло: сегодня тебя назначат, а завтра признает весь народ. Вот тебе топор. С этим топором ты со своими товарищами, каждый поодиночке, пройдете в столицу. Там, около дома Ору-шонсэна, вы все соберетесь. Ты один войдешь в дом и скажешь учителю: "Жена моя, Волмай, кланяется тебе. Вот этим топором я собью замок у ворот дворца, а теми людьми, что стоят и ждут моего приказа, я заменю разбежавшуюся дворцовую стражу".

Все так и было сделано.

Когда муж Волмай вошел в дом Ору-шонсэна, то увидел там несколько человек и учителя жены, которые спорили о том, кем еще заместить одно вакантное место министра. Ору предлагал мужа Волмай, а другие предлагали каждый своего.

Муж Волмай, войдя, сказал:

– Я муж Волмай, вот этим топором я собью замок с ворот дворца, а теми людьми, что стоят на улице, я заменю разбежавшуюся дворцовую стражу.

– И ты поступишь как лучший из всех военных министров, – ответил ему Ору.

Всем остальным осталось только крикнуть: "Е-е" (что значит "да, да").

Затем, когда все заснули, муж Волмай со своими угольщиками отправился ко дворцу, сбил замок, застал врасплох стражу и предложил ей выбор: или, сняв одежду, бежать из дворца и молчать обо всем случившемся, под страхом смертной казни, или быть немедленно умерщвленными. Стража избрала первое. Угольщики надели их форму, и дворец с королем был взят.

Наутро уже заседал новый король Индзан-тэвен, заседали новые министры, и когда старые пришли во дворец, то им было предложено или признать новый порядок, или тут же быть казненными.

– А где старый король и его сын?

– Оба живыми взяты на небо.

– О, это большая честь, мы ее недостойны, – сказали министры и присягнули новому

королю.

И все пошло своим чередом, а уважаемый всеми учитель и предсказатель Ору-шонсэн во всеуслышание на площади предсказал новому королю счастливое и выгодное для народа царствование, а его династии существование на тысячу лет.

При таких условиях народ ничего не имел и против двухтысячелетнего существования новой династии.

Предсказание Ору исполнилось, новый король царствовал в интересах своего народа, а угольщики так и остались служить в дворцовой страже.

От них и пошел черный цвет этой стражи.

С ними и муж Волмай до своей смерти оставался министром, и никто уже не смеялся больше, что Волмай не умела выбрать себе мужа.

ЛОВКИЙ СТРЕЛОК

Один молодой человек, прожив все, что оставил ему отец, решил идти в Сеул, попытать счастья на службе.

Перед уходом он помолился на могиле предков и пошел к предсказателю.

– Ты должен, – сказал предсказатель, – если хочешь получить хорошее место, придя в Сеул, носить самую вонючую грязь.

Придя в Сеул, молодой человек, ленивый ко всякой работе, на этот раз исполнил в точности приказание предсказателя.

Но из этого ничего, однако, не вышло.

Тогда с горя, подражая местным франтам, он нарядился и купил себе лук, хоть и не умел стрелять.

Накинув лук на плечи, он, как настоящий охотник, отправился за городские ворота стрелять.

Встретив за городом человека, несшего лебедя, он за сто кеш купил этого лебедя, проткнул ему глаз стрелой и с этим лебедем пошел назад в город.

Когда он проходил мимо дома одного министра, министр этот позвал его и спросил, как это случилось, что стрела попала прямо в глаз.

– Я всегда стреляю только в глаз, – ответил молодой шалопаи.

Министр спросил его неспроста: над домом министра поселился филин, а, как известно, соседство такой птицы никогда не бывает к добру.

И вот министр спал и видел, как бы убить филина.

Как раз так случилось, что в это время все три его сына, отличные стрелки, как это и подобает людям высшего света, были в далекой отлучке.

Кроме сыновей, у министра была еще невеста-дочь.

Министр стал расспрашивать молодого человека, из какого он рода, и когда молодой человек сказал, то оказалось, что род его в свое время был в славе в Корее, а с отцом молодого человека министр был даже товарищем.

– Тогда я буду говорить с вами откровенно, – сказал министр, – убейте филина и берите за себя мою дочь.

– Жаль, что вы просто не попросили меня подстрелить этого негодного филина, а теперь от счастья жениться на вашей дочери я так взволнован, что боюсь промахнуться и не попасть в глаз. А между тем если я не попаду именно в глаз, это будет такой позор, которого я не переживу, потому что однажды сгоряча, – горячность мое большое несчастье, – я дал клятву иначе как в глаз не стрелять.

Пока министр сожалел, что так поторопился, молодой человек придумал выход.

– Я думаю, – сказал он, – самое лучшее так устроить. Считайте вашего филина убитым, – мы сыграем свадьбу, и, когда я немного успокоюсь от счастья, я не замедлю убить его на самом деле.

Министр вдвойне обрадовался, как тому, что зять у него будет прекрасный, лучший в

городе стрелок, так и тому, что он такой находчивый молодой человек.

Желая все-таки поскорее отделаться от страшного филина, министр поспешил со свадьбой и, когда прошел медовый месяц молодых, стал приставать к зятю относительно филина.

Зять придумывал тысячи отговорок, но наконец тесть настоятельно потребовал исполнения обещания и назначил срок до утра следующего дня.

Спрашивает дочь министра у своего мужа:

– Отчего ты такой грустный?

Подумал молодой человек, подумал и признался жене, что он вовсе не охотник.

Тогда жена посоветовала ему поступить так: купить клею, сварить его и, вымазавшись им, залезть ночью на крышу. Филин прилетит, выберет его, как самое высокое место на крыше, присядет и приклеится ногами и перьями своими. Так и поступил молодой человек: поймал филина, а наутро принес его с проколотым стрелой глазом к тестю.

Тесть страшно обрадовался и рассказал всему городу, какой его зять стрелок.

Поэтому, когда пришел годовой день стрельбы в цель, когда лучшие стрелки получают похвальные листы от самого императора и называются "дишандари", весь город пошел смотреть, как отличится зять министра.

И сыновья министра, лучшие стрелки, к этому времени приехали в Сеул.

– Что вы? – говорил им отец. – Вот посмотрите, как он стреляет.

– Что ж я теперь буду делать? – сказал муж жене.

– Вот что надо делать: скажи, что ты дал клятву стрелять только в глаза птиц или зверей. А если, на твое счастье, подвернется какая-нибудь птица, я пошлю тогда, когда ты натянешь лук, подтолкнуть тебя, как бы нечаянно, а ты рассердись и дай клятву, что после этого, пока живешь, стрелять не будешь.

Так и сделал на другой день знаменитый охотник: сказал, что иначе как в глаз не стреляет, и отказался на этом основании стрелять в цель.

Но когда в небе показался вдруг лебедь, то уже нельзя было не стрелять.

В то мгновение, однако, как он натянул свой лук, раба его жены, проходя, толкнула его.

Тогда молодой человек притворился взбешенным, упрекал тестя в том, что он распустил своих слуг, и в бешенстве, изломав лук, дал тут же страшную клятву никогда больше не прикасаться к луку.

Но стрела тем не менее попала в лебедя, и, когда его принесли, все увидели, пораженные, что она торчала в глазу убитого лебедя.

Молодому человеку дали первую награду и объявили первым стрелком всего государства.

Это помогло ему сделать карьеру, и впоследствии и он был таким же министром, как и его тесть.

Литературная обработка Н. Гарина-Михайловского

КО И КИЛИ-СИ

Когда-то жил в одном городе молодой человек по имени Ко. Он был бедный и служил работником у своего соседа. Он был трудолюбив, хорошо обращался со своими товарищами, и потому все любили его. И так как он был не женат, то все хотели, чтобы он женился. Однажды для этого жители города собрались на совещание и решили, что девушка по имени Кили-си, слава о которой далеко ушла за пределы города, лучше всего подойдет к нему. Отец девушки тоже был согласен. Таким образом Ко женился на Кили-си.

Был выбран для свадьбы как раз тот день, который лучше всего подходил к ним. Это был восьмой день третьего новолуния.

Когда после свадьбы молодые были отведены в их помещение, Кили-си сказала Ко:

– Ты молодой и способный человек, ты можешь сделаться большим человеком, и время

у тебя есть. Тебе всего восемнадцать лет. Я люблю тебя, но хочу любить еще больше. И я не буду твоей женой до тех пор, пока ты не научишься читать, писать, пока ты не узнаешь всех наук.

– Но для этого надо не меньше десяти лет! – вскричал Ко.

– Десять лет в работе скоро пройдут, а я буду ждать тебя и заниматься хозяйством.

– Я исполню твое желание, но через год. А этот год я хочу прожить с тобой, потому что ты прекрасна и я люблю тебя.

– Нет, если ты теперь не исполнишь моей просьбы, то через год я ничего не буду для тебя стоить. Если же ты любишь действительно меня, то сделай, о чем я прошу.

– Хорошо, – сказал Ко, – я исполню твое желание, но я тоже ставлю условие: ты должна быть на эту ночь моей женой, и затем я уйду и возвращусь опять к тебе через десять лет, когда буду таким, каким ты желаешь меня видеть.

– Хорошо, я исполню твое желание, но сперва мы должны заключить условие между собой.

Она обрезала свой третий палец правой руки и из полившейся крови сделала знаки клятвы на краю своей юбки. Затем она оторвала написанное, разорвала пополам, одну половину отдала ему, а другую спрятала у себя. На другой день, когда все проснулись, Ко уже не было, и никто не знал, куда он ушел.

Кили-си дала Ко на дорогу несколько книг и немного денег.

Ко шел по дороге и думал, как он может сделаться ученым человеком. Так шел Ко и пришел в одно селение. Проходя по улице, около одной фанзы он услышал голоса учившихся школьников и сообразил, что это школа. Тогда он вошел в нее и сел.

Учитель спросил его:

– Кто ты?

– Я ученик, – ответил Ко.

– Где твои книги?

Ко показал.

– Прочти, – сказал учитель.

Но Ко не умел читать.

– Ты не ученик, а мошенник, ты хочешь только даром чумизу есть. Мои ученики уже много знают, и некому здесь с тобой возиться: иди.

И Ко ушел.

– Нет, никогда мне ничему не выучиться, – сказал он, – лучше я пойду в лес, и пусть меня разорвут тигры.

И он ушел в лес. Он шел все дальше и дальше и зашел в такую чащу, что потерял дорогу. И хотя он и хотел умереть, но когда услышал возле себя шум, то, подумав, что это тигры, быстро спрятался.

Но это были не тигры, а монахи, монастырь которых под черепичной крышей стоял в этом лесу.

– Это тот самый мошенник, который прошлой ночью хотел нас обокрасть, – сказал один монах.

И все бонзы тогда стали бить Ко.

А потом его связали и отправили в тюрьму.

Три дня Ко молчал от страха. Но потом, когда пришел главный начальник, таса, и сказал, что Ко не имеет вида разбойника, и заговорил с ним ласково, Ко пришел в себя и рассказал все, что с ним случилось.

– Хорошо, – сказал начальник, – если ты действительно хочешь учиться, то оставайся у меня, носи дрова в дом, а я буду сам учить тебя.

Так и сделал Ко. Пять лет он прожил у тасы, и сказал ему таса, что он может идти в Сеул и держать там экзамен на какую хочет должность в Сеуле.

Тогда еще в Сеуле не продавали за деньги должностей. И хотя десять лет, положенных ему его женой, не прошло, но Ко пошел в Сеул.

Там ему и другим назначили день экзамена.
Сам король задал всем такую задачу:
"Соип-охы-ую-си-дзюн", что в буквальном переводе значило: "Смех, женщина, виноторговля, центр".
Из всех Ко один и прочел и истолковал, что хотел этим сказать король.
Вот что он хотел сказать:
"В центре города есть виноторговля, где торгует красивая женщина и своим весельем и смехом привлекает всю молодежь".
Ко дали лучшую должность Пон-эса, что значит ревизор всех провинций.
Прошло еще три года, и, хотя срок еще не истек, Ко решил посетить родину. Но он приехал и остановился в фанзе, где его никто не знал.
– Скажите мне, – спросил он, – есть ли здесь человек по имени Ко и что вы знаете о нем?
– Да, восемь лет тому назад, – отвечали ему, – был здесь Ко, но после свадьбы он ушел, и с тех пор никто больше его не видел.
– Куда ушел он?
– Мы не знаем, – здесь осталась только жена его.
– Что это за женщина?
– Это очень добродетельная женщина. Она выстроила себе прекрасную, под черепичной кровлей фанзу и живет там со своим сыном, которому семь лет. Она устроила школу, где бесплатно занимаются наши дети.
– Я ревизор, – сказал Ко, – и должен осмотреть школу.
– Идите туда, там вас встретит полное гостеприимство, хотя самой хозяйки вы и не увидите, так как после ухода мужа она никому не показывается.
Когда Ко пришел в школу, все ученики его ждали. Он вызывал каждого из них и спрашивал фамилию.
Один из них на вопрос, как его фамилия, ответил:
– Меня зовут Ко.
Но отец не выдал себя и, кончив экзамен, ушел.
Прошло еще два года.
Кончилось десять лет, и Ко поехал опять к себе на родину. Он опять пришел в школу и сказал сыну:
– Я хочу видеть твою мать.
– Мою мать нельзя видеть.
– Отнеси ей эту вещь.
Это была половина лоскутка, исписанная десять лет тому назад ее кровью.
Сын молча ушел к матери.
– Там какой-то чужой человек желает тебя видеть и дал этот лоскуток.
Кили-си, как только увидела лоскуток, крикнула:
– О, сын мой, зови его.
– Мать, что это значит? Разве это твой муж?
– Да, это мой муж и твой отец.
Так возвратился домой Ко, сдержавший свое слово, и зажил со своей верной и умной женой.

ВЫГОДНЫЙ ОБОРОТ

Одному молодому человеку нравилась одна вдова, которая, после смерти мужа, три года жила в своей фанзе и никуда не выходила.
Он все думал, как бы ему жениться на ней.
Однажды отец сказал ему:
– Вот тебе тысячу лан: иди и торгуй.

Молодой человек взял тысячу лан, пошел к фанзе вдовы, просунул палец в бумажную дверь и сказал:

– Кто так же пальцем коснется моего пальца, тому я дам тысячу лан.

Вдова подумала, что ничего у нее не убудет, и коснулась его пальца, а молодой человек просунул ей тысячу лан.

Затем он возвратился домой. Отец спросил его:

– Купил что-нибудь?

– Дал только задаток, – надо еще две тысячи лан.

Отец дал ему, а он пошел к молодой вдове, просунул руку по локоть и сказал:

– Кто рукой коснется моей руки до локтя, тому отдам две тысячи лан.

Подумала вдова и коснулась его руки до локтя.

Молодой человек отдал ей деньги, а возвратившись, сказал отцу:

– Товару оказалось больше, чем я думал, и надо еще три тысячи лан.

Дал отец, и молодой человек пошел к вдове и, просунув голову в дверь, сказал:

– Кто щекой коснется моей щеки, тому дам три тысячи лан.

Посмотрела вдова на красивое лицо молодого человека и подумала, что от нее не убудет, если она прикоснется.

Прикоснулась и получила три тысячи лан.

А молодой человек, возвратившись к отцу, сказал:

– Еще больше товару, не хватает четырех тысяч лан.

Опять дал отец ему деньги.

Вошел молодой человек в дом вдовы и сказал:

– Кто обнимет меня и поцелует, тому я дам четыре тысячи лан.

Вдова обняла его и поцеловала, а молодой человек отдал ей четыре тысячи лан.

– Вместо денег ты бы лучше тоже меня поцеловал.

– Я не брал с тебя денег.

– Но я целовала тебя, и ты должен меня поцеловать, – я отдам тебе за поцелуй все твои деньги.

– Этого мало.

– Возьми все богатства моего покойного мужа, – их миллионы.

– Мало.

– Чего же ты хочешь?

– Хочу, чтобы ты была моей женой.

– О, какой глупый, чего же я другого хочу?

Тогда сын пришел к отцу и сказал:

– Вот как я торговал: на твои десять тысяч лан заработал миллион и жену.

После этого они сыграли веселую свадьбу, и молодой муж купил себе должность губернатора.

ЖЕНА РАБА

У одного министра была дочь редкой красоты. Ее берегли так, что она не знала даже луча солнца, так как никогда не выходила из комнаты. Блеск золота заменял ей солнечные лучи.

Но тем не менее, когда пришла пора любви, девушка полюбила раба своего отца.

За такую любовь к рабу закон наказывает гражданской смертью. Виновный считается умершим, его гроб хоронят, делают надпись, что такой-то или такая-то скончались, оплакивают их смерть, а самих их, бесправных, изгоняют из дома.

Отец девушки предложил ей, когда преступление было обнаружено, удалиться из его дома. Но так как она не хотела, то он послал одного из своих стражников разыскать самого последнего человека в королевстве. Стражник привел человека, который выжигал в лесу

уголь.

Этот человек никогда не умывался и сам был черен, как уголь.

– Хочешь мою дочь взять себе в жены? – спросил отец.

– Хочу, – ответил угольщик.

– Бери и никогда не попадайся мне на глаза.

Угольщик взял свою жену и увел ее к себе в лес.

Она испугалась, когда увидела свой новый дом. Это был простой шалаш, одинаково открытый и ветру и холоду. В кладовой же было пусто и не было даже горсти чумизы.

– Что же мы будем есть? – подумала она вслух.

На пороге сидела старушка, мать угольщика.

– А вот мы понесем на базар уголь, – сказала она, – и купим чумизы на завтра. А завтра купим на следующий день. Так и живем мы, так живут все угольщики.

И в это время жена угольщика обратила внимание на желтый камень, из которого была сделана завалинка вокруг их шалаша.

Она не знала солнечного луча, но хорошо знала, что такое золото.

– Возьми, – сказала она мужу, – один камень, отнеси в город и отдай его за столько, сколько тебе дадут.

Муж поехал и привез назад несколько возов денег.

Так они продали все золото и стали так же богаты, как и их отец.

– Ты грамотный? – спросила она потом своего мужа.

– Нет.

– Тебе надо учиться.

Она наняла ему учителей, и через десять лет он был образован, как и ее отец.

Затем она купила ему должность министра, и отец первый приехал к ним с поклоном.

НЕДОСТОЙНЫЙ ДРУГ

Сын богатых родителей из провинции Пьяндо, молодой Паксен-дарги отправился в Сеул с тем, чтобы купить там соответствующую его дворянскому достоинству должность.

Но в Сеуле он повел веселый и праздный образ жизни и истратил все деньги, данные ему отцом для покупки должности.

Так как платить ему больше было нечем, то его прогнали из гостиницы и друзья не хотели его больше знать.

Он ходил по улицам и уже думал о голодной смерти, когда услышал, проходя мимо одной фанзы, громкое чтение. Он остановился и стал слушать. Ему понравилось и чтение и книга. Он вошел в фанзу и сказал хозяину:

– Вы хорошо читаете, и, если вы позволите, я сяду и буду вас слушать.

– Садитесь и слушайте.

Когда хозяин устал, Паксен предложил читать дальше. Оказалось, что Паксен читал тоже хорошо и имел приятный голос.

Хозяин очень обрадовался, так как любил чтение, и предложил Паксену погостить у него.

Паксен поселился у него и так жил, проводя время в чтении и прогулках. Недалеко жила одна молодая вдова. Проходя мимо ее фанзы, Паксен заметил ее и полюбил.

Он стал часто гулять мимо ее фанзы, пока вдова тоже не заметила его и не полюбила.

Потом и она стала гулять в то время, когда гулял он, и так они наконец познакомились, а потом он признался ей в любви и узнал, что и она его любит. Но она была не дворянка, и поэтому он не мог на ней жениться.

Тогда они решили обойтись без этого и уйти куда-нибудь, где их никто не знал бы, и так жить.

Так как родные не пустили бы ее, то она решила уйти тайно.

Однажды она сказала ему:

– Достань пять вьючных мулов и пришли их ко мне ночью, когда будут все спать. Я нагрузу все свои драгоценности и отправлю их к тебе, а ты жди меня с ними у городских ворот утром, когда их будут отворять.

У Паксена не было мулов; и он долго думал, где ему достать их. И он решил пойти к одному из прежних своих товарищей, с которыми вел раньше праздную жизнь.

Он признался ему во всем и попросил мулов.

Приятель тоже любил вдову, но скрыл от Паксена это и достал ему мулов.

Но когда утром Паксен с мулами и драгоценностями ждал вдову у ворот, пришел к нему его приятель и рассказал ему, что родные вдовы узнали обо всем, вдову заперли, а сами пошли в полицию заявить о том, что какой-то Паксен обокрал их и стоит теперь с вещами у городских ворот.

– Тебе нет спасенья теперь. Беги с этими вещами, а когда опасность пройдет, я привезу к тебе эту женщину.

Так и сделали.

А приятель остался у ворот, и, когда вдова пришла, он сказал ей:

– Напрасно ты ждешь. Он просто хотел похитить твои драгоценности и теперь уж далеко...

Вдова была в отчаянии, – ее так обманул тот, кто так клялся ей в любви, она осталась без драгоценностей и не могла больше вернуться к родным.

Тогда коварный друг сказал ей:

– Отомсти ему, полюби меня, и мы с тобой тоже уйдем далеко, прочь отсюда.

Так как у вдовы другого выбора не было, то она сказала:

– Хорошо, но там, куда мы уйдем, мы выстроим такую гостиницу, чтобы слава о ее гостеприимстве, удобствах и дешевизне прошла по всей стране.

– Хорошо, – сказал друг Паксена, – хотя это и будет мне дорого стоить, но я люблю тебя и согласен на твою странную прихоть.

Так они и сделали.

Паксен, напрасно ждавший вдову, боясь идти в Сеул, чтобы там не схватили его, не знал, что делать, когда один приезжий рассказал ему о бегстве неизвестно куда вдовы с его другом.

Тогда Паксен проклял всех женщин и, отдав мулов и драгоценности вдовы в монастырь бонзам, решил иначе сделать себе карьеру.

Он ушел искать золото и женьшень. Он жил как самый последний бродяга, и нередко пули хунзузов свистели мимо его ушей. Он ходил по самым глухим местам, и чем глуше было, тем меньше болело его сердце. Уходя все дальше и дальше до вершины Ченьбошана – Пектусана и священного озера драконов.

Потрясенный и испуганный святотатством своего поступка, он не сомневался больше в своей смерти.

Ночь наступала.

Он принес горячую молитву небу и сказал заходящему солнцу:

– О великое солнце, ты из своего золотого дворца видишь весь мир, а я отсюда никого и ничего не вижу. Когда увидишь ее, передай ей, как умираю я здесь из-за нее.

А когда он заснул, ветер ласкал его лицо, а он думал, что это она, как когда-то, целовала его.

И вот среди ночи кто-то приказал ему, и он открыл глаза и то, что увидел, никогда больше не забывал.

Молодой месяц светил в далеком небе. Но темно было, и нежный Скорпион, как бриллиантами, горел вокруг месяца своими звездами и все глубже, казалось, проникал в синеву темного неба. Мрачно и одиноко стоял белый Пектусан и далеко в небо ушел своей вершиной. Из этой вершины исходил бледный, едва видимый туман, и вдруг вылетел дракон и стал между месяцем и землей. И дракон был белый и прозрачный, как туман, и поднялся он

на чистом небе к самому месяцу, и оттого его видели все, кто не спал.

Он сказал:

– Не бойся меня, потому что я знаю, что ты не по своей воле пришел. Но ты по своей воле стал бедным корейцем и узнал, как тяжело ему жить, как грабит его начальство и какие подати берут с него. Ты страдаешь даром, и я награжу тебя. Иди в страну прямо на закат отсюда, и когда пройдешь три солнца, увидишь озеро и три дерева, и там начни копать. Ты найдешь там столько золота, сколько захочешь.

И когда сказал так дракон, он стал бледнеть и совсем исчез в темном небе.

Утром проснулся Паксен и вспомнил свой сон. Он поблагодарил небо, великого дракона и пошел в страну на запад.

Через три солнца увидел он озеро и три дерева.

Тогда он стал копать и увидел столько золота, сколько может присниться человеку только во сне.

Он копал и копал. Когда его мучила жажда, он пил воду из озера, а когда хотел есть, то ел корень женьшень. Он копал бы и до сих пор, если б однажды дракон не прилетел к нему ночью, как и в первый раз, в четвертый день новолуния, и сказал:

– Несчастный человек, ты знаешь ли, сколько времени ты копаешь? Ты копаешь уже пятнадцать лет и три лунных месяца.

Тогда заплакал Паксен и сказал:

– Не хочу я больше копать.

И тогда пропало все золото, кроме того, которое он нарыл.

Но и его было так много, что надо было сто мулов, чтобы поднять его. Тогда Паксен взял столько, сколько мог, и пошел назад. И когда он шел, леса расступались перед ним, болота высыхали, а на реках делались мосты. Но когда он проходил, позади него были только опять болота, леса да непроходимые горы.

И пришел он в один китайский город, где и продал все свое золото, так как если б пришел с ним в Корею, то по законам страны, запрещающим добычу золота, был бы казнен.

Денег за золото дали ему так много, что нанял он семьдесят быков, которые везли за ним его деньги.

А сам он ехал в двухколесном паланкине и думал о том, как прошла вся его жизнь, потому что это уже был старый и измученный человек.

Так приехал он в тот город, где вдова с другом его держали гостиницу.

Вдова знала, что делала. Слава о гостинице разнеслась по всей стране, и она знала, что когда-нибудь ее коварный любовник попадет в расставленную ловушку.

Она узнала его сразу, как только въехал он во двор. Но он не узнал ее.

Вечером, когда она накормила его ужином, она взяла нож, спрятала его между складками платья и пошла к нему, как будто поговорить с ним, а между тем узнать от него все.

Но она узнала совсем другое, чем думала.

Не ведая, с кем говорит он, Паксен рассказал все, что с ним случилось. Тогда вдова заплакала, бросила нож и открыла, кто она; рассказала, как обманул их обоих его друг.

– Что же, – сказал Паксен, – жизнь всякого человека проходит, но мы никого не обманули, мы любим друг друга, и нам есть что вспоминать. Мы уйдем далеко-далеко и проведем конец нашей жизни вместе.

Так они и сделали, уйдя в ту же ночь из гостиницы, оставив ее недостойному другу.

ПТИЧИЙ ЯЗЫК

Был один человек Ли-тха-чи, который понимал птичий язык. Идет раз Ли и видит – летит ворона и кричит ему:

– Као, као (что значит: идем, идем).

И он пошел за вороной и пришел к тому месту, где лежало мясо. Он взял кусок этого мяса и стал варить себе суп.

В это время пришел человек и стал упрекать его в том, что он зарезал его корову.

И как ни оправдывался Ли, человек повел его в город к судье. Ли объяснил судье, как было дело.

– Хорошо, – сказал судья, – если ты понимаешь птичий язык, то скажи, о чем кричит тот голубь, который сидит на том дереве?

– Он говорит, что запутался в паутине.

Пошли, посмотрели. Действительно, голубь запутался в паутине.

– Ты мог это и увидеть, – сказал судья.

И так как был уже вечер и все птицы разлетелись, то судья приказал посадить Ли до утра в тюрьму.

В тюрьме, с окна, к Ли на колени упал птенчик из ласточкиного гнезда. Ли покормил его своей слюной, и так как изнутри не мог посадить его назад в гнездо, то и оставил птенчика у себя на груди. На другой день, когда его опять привели к судье, судья сказал ему:

– Ну, хорошо, вот над тобой вьется ласточка и кричит. Что она говорит?

– Она просит возвратить ей вот этого птенчика, который упал ко мне в тюрьму и которого надо теперь посадить в его гнездо.

И Ли с судьей пошли к гнезду ласточки, и как только Ли впустил птенчика в гнездо, туда же влетела ласточка и, чирикнув в последний раз благодарность Ли, затихла.

Тогда судья сказал:

– Такой человек, как ты, действительно не может сделать ничего дурного.

И он отпустил Ли.

Литературная обработка Н. Гарина-Михайловского

Знаем!

Жили себе муж и жена, хорошие люди, но только никогда никого до конца не дослушивали и всегда кричали:

– Знаем, знаем!

Раз приходит к ним один человек и приносит халат.

– Если надеть его и застегнуть на одну пуговицу, – сказал человек, – то поднимешься на один аршин от земли; на две пуговицы – до полунеба улетишь; на три – совсем на небо улетишь.

Муж, вместо того чтобы спросить, как же назад возвратиться, закричал:

– Знаем!

Надел на себя халат, застегнул сразу на все пуговицы и полетел в небо.

А жена его бежала и кричала:

– Смотрите! Смотрите: мой муж летит!

Так бежала она, пока не упала в пропасть, которой не видела, потому что смотрела всё в небо. На дне пропасти протекала река. Говорят, он превратился в орла, а она – в рыбку.

И это, конечно, еще очень хорошо для таких разинь, как они.

Чапоги

При императоре Сук-цон-тавани жил один бедняк Ким-ходури. Он занимался тем, что рубил дрова и продавал их.

В день он рубил три вязанки, – две продавал, а одну вязанку сжигал сам.

Но вот с некоторого времени стала пропадать одна вязанка дров... С вечера нарубит три вязанки дров, а наутро их оставалось только две.

Думал бедняк, думал и решил рубить по четыре вязанки.

Тогда четвертая стала пропадать.

"Ну хорошо, – сказал себе бедняк, – вора я все-таки поймаю".

Когда пришла ночь, он залез в четвертую нарубленную вязанку и ждал. Среди ночи вязанка вместе с бедняком поднялась и полетела прямо на небо.

Пришли слуги Оконшанте, развязали вязанку и нашли там Кима-ходури.

Когда его привели к Оконшанте, тот спросил его, как он попал на небо. Ким-ходури рассказал как и жаловался на свою судьбу.

Тогда принесли книги, в которых записаны все живущие и их судьбы, и сказал Оконшанте:

– Да, ты действительно Ким-ходури, и не суждено тебе есть чумизу, но всегда хлебать только пустую похлебку.

Заплакал Ким и стал просить себе другой судьбы. Он так плакал, что всем небожителям и самому Оконшанте стало жаль его.

– Я ничем в твоей судьбе не могу помочь тебе, – сказал он, – но разве вот что я могу сделать: возьми чужое чье-нибудь счастье и, пока тот не придет к тебе, пользуйся им.

Оконшанте порылся в книгах и сказал:

– Ну, вот возьми хоть счастье Чапоги.

Поблагодарил Ким, и в ту же минуту служители Оконшанте спустили его на землю в то место, где стояла его фанза.

Ким лег спать, а на другой день пошел к богатому соседу и попросил у него сто лан займы и десять мер чумизы.

Прежде Киму и зерна никто не поверил бы в долг, но теперь счастье Кима переменилось, и сосед, без всяких разговоров, дал ему просимое. На эти деньги Ким занялся торговлей и скоро так разбогател, что стал первым богачом в Корее.

Все ему завидовали, но Ким один знал, что счастье это не его, а Чапоги. И он с трепетом каждый день и каждую ночь ждал, что придет какой-то страшный Чапоги и сразу отнимет всё его счастье.

"Я убью его", – сказал себе Ким и приготовил нож, меч и стрелы, налитанные ядом.

Однажды мимо дворца Кима шли двое нищих: муж и жена.

Во дворе дворца стояла телега, и муж и жена спрятались под нее от солнечных лучей.

Там, под телегой, пришло время родить бедной женщине, и рожденного мальчика назвали они Чапоги, что значит найденный под телегой.

– Кто там кричит так громко под телегой? – спросил Ким, выходя во двор.

– Это Чапоги кричит, – ответили ему слуги.

Ким так и прирос к земле.

"Так вот откуда пришла расплата: не страшный человек, а маленький, беззащитный, голый от нищеты ребенок, – подумал Ким. – Нет, его не убивать надо, а лучше вот что я сделаю: я усыновлю этого Чапоги и, как его отец, буду и вперед продолжать жить на счастье своего сына".

Так Ким и сделал и если не умер, то и до сих пор живет счастливо и богато, как отец рожденного под телегой.